

2. Новикова, И. В., Равино, А. В. Определение страновых особенностей цифровизации в государствах ЕАЭС // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2022. – № 1 (256). – С. 5–12.

3. Мелешко, Ю. В. Риски современной промышленной политики Республики Беларусь в контексте неоиндустриализации / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2021. – Вып. 14. – С. 57–64.

4. GlobalInnovationIndex за 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.wipo.int/ru/web/global-innovation-index> – Дата обращения: 16.01.2025 г.

5. Беларусь сдает позиции в инновационном рейтинге [Электронный ресурс]. – URL: <https://ibmedia.by/news/belarus-sdaet-pozitsii-v-innovatsionnom-rejtinge/> – Дата обращения: 16.01.2025 г.

6. Косарев, М. К. Цифровые технологии в строительстве [Электронный ресурс]. – URL: <https://niisf.org/biblio/glavnaya/tsifrovyetechnologii-v-stroitelstve-obshchij-vzglyad-uroven-tsifrovizatsii> – Дата обращения: 24.12.2024 г.

УДК165:338.2

П.Д. Горобец, доц., канд. экон. наук
(БГТУ, г. Минск)

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ВЛАСТИ

Гносеология, или теория познания, в контексте современной власти исследует, как власть формирует, контролирует и распространяет знание, а также как знание формируется, производится, структурируется, распространяется и используется для легитимации, поддержания, укрепления и осуществления власти и как само знание становится инструментом власти. В контексте современного мира этот процесс тесно связан с технологиями, медиа, образованием и институтами власти. Рассмотрим несколько ключевых аспектов:

1. Власть и производство знания. Современная власть активно участвует в производстве и распространении знания через государственные институты, образовательные системы, СМИ и цифровые платформы. *Знание становится инструментом власти*, который используется для формирования общественного мнения, легитимации политических решений и контроля над поведением граждан.

Современная власть действует через создание институциональных дискурсов (например, экономических моделей, политических нарративов), которые определяют «норму» и маргинализируют альтернативные точки зрения. Концепция «власть-знание» (*pouvoir-savoir*)

подчеркивает их взаимозависимость: нет власти без знания и знания без власти.

2. Неолиберализм и коммодификация знания. Знание как товар: В неолиберальной парадигме знание превращается в ресурс для извлечения прибыли (патенты, образовательные рынки, цифровые платформы). Это усиливает неравенство: доступ к информации определяется экономическим статусом.

Управление через метрики: Власть измеряет эффективность через количественные показатели (ВВП, рейтинги университетов), что сужает понимание сложных социальных процессов до упрощенных метрик. Пример: государственные образовательные стандарты, которые определяют, какие знания считаются важными, а какие — маргинальными.

3. Контроль над информацией. В эпоху цифровых технологий контроль над информацией становится ключевым аспектом власти. Социальные сети, поисковые системы и медиаплатформы могут влиять на то, какие знания доступны обществу, а какие скрыты или подавляются. Сопротивление власти связано с производством альтернативных знаний (например, активизм в соцсетях). Пример: цензура, алгоритмическая фильтрация контента и пропаганда.

4. Постправда и манипуляция знанием. Контроль над информацией создает «альтернативные реальности» – «постправду». В современном обществе наблюдается феномен «постправды», где объективные факты теряют значение, а эмоции и убеждения становятся основой для формирования мнений.

Власть может использовать этот феномен для манипуляции общественным сознанием. Социальные сети и СМИ становятся полем битвы за интерпретацию реальности. Фейковые новости, глубокие подделки (deepfakes) и пропаганда размывают границы между истиной и ложью, что позволяет власти формировать нужные нарративы. Это подрывает доверие к традиционным источникам знания (науке, журналистике). Пример: информационные войны и постправда; манипуляция через медиа. Распространение фейковых новостей, использование эмоционально заряженных нарративов.

5. Технологии и данные как инструменты власти. BigData и алгоритмическое управление. Современные государства и корпорации используют большие данные для прогнозирования и контроля поведения людей, управления ресурсами и манипуляции (например, таргетированная реклама, социальные рейтинги в Китае). Знание здесь становится инструментом предиктивного контроля. Это создает новые формы эпистемической власти, где знание становится инструментом

управления. Особое место в современном мире занимают взаимоотношения науки и корпораций. Финансирование исследований крупными компаниями влияет на выбор тем и интерпретацию данных (например, исследования климата или фармацевтика). Ломающий полностью парадигму мира искусственный интеллект. Алгоритмы принимают решения в области права, здравоохранения и безопасности, что ставит вопросы о прозрачности и этике. Власть перераспределяется в пользу тех, кто контролирует технологии. Пример: системы массового наблюдения, анализ данных для прогнозирования социальных процессов.

6. Роль экспертизы и технократии. Легитимация через науку: современные правительства часто апеллируют к научным данным и экспертизе для обоснования решений (например, климатическая политика, пандемийное управление). Это создает технократическую модель власти, где решения принимаются узкими группами специалистов. Критика технократии: Хабермас указывал на риск "колонизации жизненного мира" системами экспертного знания, что подрывает демократический диалог. Граждане могут чувствовать отчуждение, если их мнение исключается из процесса принятия решений.

7. Критика и сопротивление. Современная гносеология власти также включает анализ критических подходов, которые ставят под сомнение доминирующие формы знания. Философы, такие как Мишель Фуко, подчеркивают, что *знание и власть неразрывно связаны*, поскольку представляют собой взаимосвязанные системы, и что сопротивление власти часто начинается с переосмысления доминирующих нарративов. Мишель Фуко утверждал, что знание не нейтрально – оно формируется властными отношениями. К. Маркс рассматривал идеологию как инструмент господства, где правящий класс навязывает свои представления об устройстве общества как «естественные». Антонио Грамши развил это в теорию культурной гегемонии – власть через контроль над образованием, медиа и искусством формирует коллективное сознание.

Власть определяет, что считается истиной, а знание, в свою очередь, укрепляет властные структуры. Движения за открытые данные, краудсорсинг и участие граждан в науке (citizenscience) пытаются демократизировать производство знания. Например, научные дискурсы, юридические нормы или медицинские классификации задают рамки мышления и служат инструментами контроля. Пример: движения за открытый доступ к знаниям, борьба против цензуры.

8. Глобализация и знание. В условиях глобализации знание становится *транснациональным*, но при этом сталкивается с локальными культурными и политическими контекстами. Власть на глобальном

уровне (например, через международные организации или корпорации) влияет на то, какие знания считаются универсальными, а какие — локальными.

Критика евроцентричных моделей и включение маргинализированных знаний (например, *indigenous knowledge*) бросают вызов гегемонии западной рациональности с целью осуществления процесса деколонизации знания. Пример: доминирование западных эпистемологических моделей в глобальном образовании. Школьные программы часто отражают идеологию правящих групп (например, колониальная история в учебниках, «замалчивание», искажение или фальсификация исторической правды – кто является реальным победителем во Второй мировой войне).

9. Эпистемическая несправедливость. Современная власть может создавать условия, при которых определенные группы людей лишаются доступа к знанию или их знания обесцениваются. Это явление известно, как «эпистемическая несправедливость». Пример: игнорирование знаний коренных народов в экологических дискуссиях.

Заключение. Гносеология современной власти показывает, что знание – это не нейтральный инструмент, а мощный ресурс, который используется для поддержания и укрепления власти, используя скрытые механизмы манипуляции сознанием.

В то же время знание может быть инструментом сопротивления и трансформации. Современная власть опирается на сложный симбиоз знания, технологий и коммуникации. Её гносеологические основы включают как традиционные механизмы (экспертиза, наука), так и новые вызовы (алгоритмизация, постправда).

Понимание этих процессов важно для критического осмысления роли власти в современном обществе. Гносеология власти не отрицает возможность объективного знания, но требует рефлексии над его социально-политическими условиями. Как писал Фуко: «Знание — это не истина, а поле битвы».

Из вышеперечисленного следует поиск ответа на ключевой вопрос – сохраняется ли возможность критической рефлексии и демократического контроля над производством знания в условиях цифровой эпохи и глобализации. Ответ на него определит, станет ли власть инструментом эмансипации или тотального контроля.